

Предисловие

«И ведь мне никто не сказал», — шептала я потрясенно, пока бродила по улицам Праги при свете мерцающих фонарей туманным октябрьским днем 1965 года. «И ведь мне никто не сказал», — повторяла я, выйдя из студенческого хостела на Страговом и направляясь вверх по склону Петржинского холма, когда передо мной раскинулась панорама из множества крыш, шпилей, башен и мостов. Мне никто не сказал, меня не предупредили, что несколько следующих месяцев мне предстояло провести в краю еще более волшебном, чем детские сказки.

Конечно же, мне рассказывали про нелегкое житье при коммунистическом режиме — дефицит продуктов и прочих товаров, очереди в магазинах, бюрократия и неприветливость, безобразия, творившиеся за тяжелыми дверями полицейских участков, повсюду уши и глаза госбезопасности. Все это оказалось правдой, и за несколько лет мне довелось самой увидеть, что творилось в стране. На моих глазах рушились судьбы, распались семьи, дружба оборачивалась предательством. Не стоит испытывать ностальгии по коммунистическому режиму. К тому времени, когда я оказалась в Чехии (а возможно, и много раньше), коммунистическое правительство успело превратиться в аппарат, обслуживающий собственные интересы, в бессмысленную

машину, единственной целью которой было остаться у власти. К счастью, сквозь асфальт коммунистических джунглей зелеными ростками пробивался, готовый вот-вот расцвести, дух независимости.

Такой была Прага, с которой я познакомилась в 1960-е годы; здесь еще жили если не сами великие личности прошлого, то, по крайней мере, те, кто их помнил. И ощущалась возможность изменений к лучшему, и всю зиму можно было купить апельсины, привезенные с Кубы, а читатели жадно расхватывали журналы с новыми эссе Вацлава Гавела, Милана Кундеры, Людвика Вакулика и Ивана Климá. Через несколько лет, когда в результате проводимой Густавом Гусаком политики «нормализации» в выхолощенной стране настало запустение, ростки свободы были безжалостно вырваны, но независимая мысль упрямо, словно лесной мох, прорастала во всех уголках, куда не добирался свет прожекторов общественной жизни, — на неофициальных семинарах, в исследовательских институтах, в обшарпанных домах культуры, даже в кафе Социалистического союза молодежи. Все знали, что самые интересные, талантливые и актуальные произведения можно найти не в нарядно оформленных книгах, а в сшитых скрепками пачках листов, отпечатанных под копирку на пишущей машинке. В те времена выходили почти профессионально подготовленные неофициальные сборники джазовой секции. Джазовая секция старалась быть, насколько это возможно, окном в большой мир экспериментальной музыки, искусства и литературы. Интересы не ограничивались зарубежной культурой; сборники рассказывали молодому поколению чехов об авангардной культуре, некогда существовавшей в их собственной стране.

Как напомнил нам Милан Кундера, заклятым врагом для коммунистов была память. Если в 1960-е годы чехи в первую очередь стремились приобщиться к западной современной культуре, то в 1980-е молодые интеллектуалы обратились уже к прошлому своей собственной страны. Студенты театральных вузов, под руководством наставников, с энтузиазмом изу-

чали методы театральной режиссуры Э. Ф. Буриана, творившего в период между двумя мировыми войнами; сам Буриан был убежденным коммунистом, но властям это не помешало обвинить его в «формализме». Тайком обрели новую жизнь произведения Кафки — на затерянных сценах городских окраин ставились пьесы по его «Америке», и это в те годы, когда саму книгу невозможно было купить в магазинах.

В этот период другой крупнейший город страны, Брно, не отставал от Праги и был еще одним центром независимой культуры, которую все мы так старались сохранить. Этому огоньку нельзя было дать угаснуть, и мы поддерживали его всеми силами. Ученые и профессора приезжали в Чехословакию как туристы и читали лекции по философии и политологии; под видом развлекательного дорожного чтения в страну ввозили последние публикации мировой прогрессивной мысли, а в 1980-х годах на помощь пришли информационные технологии. Теперь в неофициальных «домашних кинотеатрах» можно было посмотреть художественные фильмы «загнивающего Запада», а на дискетах, которые так легко спрятать, передавались переводы целых книг; на аудио- и видеокассеты записывали рассказы, свидетельства, комментарии, лекции, песни — устную историю народа. Заниматься всем этим было опасно: дети нарушителей исключались из учебных заведений, а самих инакомыслящих подвергали обыску, личному досмотру, сажали в тюрьму как «врагов Республики». В те времена в Праге избегали откровенных разговоров по телефону, а по пути на встречу посматривали в зеркало заднего обзора, не «сидит ли на хвосте» машина госбезопасности (Статни беспечность), и небеспочвенно подозревали, что под столом спрятан микрофон. Но все же это было удивительное время, лето 1989-го, — все эти собрания в книжных магазинах, студиях, театрах, — когда казалось, что демократия, не забывшая еще ужасов 1938, 1948 и 1968 годов, маячит где-то неподалеку, дразняще недосягаемая.

Многолюдные митинги в ноябре 1989-го, когда слова вырывались в морозный воздух с паром и смешивались с дыха-

нием толпы, носили характер одновременно и спонтанный, и сценический. Драматургу Вацлаву Гавелу помогала целая команда театральных деятелей, направивших весь свой опыт на то, чтобы расшевелить людей и заставить задуматься, но самое главное — удержать их в позитивном и конструктивном настрое. Глубокие чувства пробуждало в чехах возвращение Александра Дубчека и других деятелей прошлых лет, например Марты Кубишовой, своими песнями напоминавшей слушателю о «пражской весне».

Но не утратила ли Прага обаяния и загадочности за десятилетие своего возрождения? Нет, она даже вернула себе многое из того, о чем уже почти успели позабыть. Немало еще предстоит узнать о ее зданиях, о тех, кто жил в этом городе, пил кофе в пражских кофейнях. Книга, которую вы держите в руках, вышла сначала на чешском, а затем на английском. Еще одним славным достижением прошедшего десятилетия, наряду с возрождением демократии, реабилитацией невинно пострадавших и возвращением частной собственности прежним владельцам, стало открытие увлекательного, сложного мира чешского изобразительного искусства и архитектуры, театра и кино, музыки и литературы. Мы по-прежнему можем, оторвавшись от нестройной вереницы туристов, уйти от ярких огней и громкой музыки и затеряться в переплетении кривых улочек, на маленьких площадях и в парках. Там мы и встретимся с вами, читая на скамейках под тенистыми липами и трепетно открывая для себя, слой за слоем, культурную историю.

С книгой Ричарда Бертона в руках я присоединяюсь к вам; я снова открываю для себя Прагу.

Барбара Дей

Взгляд на Прагу с высоты птичьего полета:

заметки для тех, кто приехал сюда впервые

План Праги не линейен, как в Нью-Йорке, и не состоит из концентрических кругов, как в Париже. Большая часть улиц города запутана, и здесь многие уверены, что именно поэтому лабиринт играет такую важную роль в литературе и живописи, вдохновленной Прагой. Отдавая должное сложности переплетений этого города, мы будем рассматривать его в основном на уровне отдельных улиц. Мы взглянем на «город с высоты птичьего полета» — раз уж речь идет о Праге, птица эта, несомненно, галка, то есть, по-чешски, *kafka*, — для того, чтобы дать впервые прибывшему самое общее представление, а никак не произвести анализ структуры (а ведь именно Прага, а не Париж, была подлинной колыбелью структурализма); это лишь картина, на которой можно заметить расположение основных районов города.

Большинство из тех, кто приехал в Прагу ненадолго, осматривают тот неизменно многолюдный отрезок, что соединяет Староместскую площадь, расположенную на вос-

точном (правом) берегу реки Влтавы, и замковый комплекс (Градчаны), высящийся на западном (левом) берегу; две половины города соединяет приковывающий к себе всеобщее внимание Карлов мост, который невозможно перепутать ни с каким другим. Это «хребет города», и здесь или же поблизости сосредоточено почти все, что намерен обычно осмотреть впервые приехавший турист. И увиденного достаточно, чтобы захватить внимание и поразить.

Старый Город

Старый Город — это переплетение узких улочек, окружающих обширное открытое пространство Староместской площади, где расположены три самых знаменитых достопримечательности Праги: Староместская ратуша, перед которой каждый час собирается толпа желающих увидеть любопытное и волнующее шествие апостолов на знаменитых астрономических часах; прямо напротив — незабываемый силуэт Тынской церкви, а в центре площади — огромный памятник Яну Гусу (1370–1415), фигуре во всех отношениях центральной и символичной в истории Богемии, Чехословакии, а затем и Чешской республики.

Йозефов («Еврейский квартал»)

Некогда именовавшийся «Еврейским кварталом» или «гетто», а с 1850 года получивший свое официальное название Йозефов, этот район представляет собой небольшой клубок улиц внутри большого лабиринта Старого Города; здесь также имеются три основных достопримечательности: так называемая Старонова синагога, Пинкасова синагога, в 1958 году ставшая памятником 77 297 чешским евреям — жертвам Холокоста, имена которых высечены на

стенах храма; еще более памятным местом можно считать «лабиринт в лабиринте», поразительное старое еврейское кладбище, единственное в своем роде и не имеющее себе равных по величине среди еврейских кладбищ, сохранившихся в Европе.

Мала Страна

Перейдя из Старого Города по украшенному статуями Карлову мосту, путешественник окажется в Мала Страна — «Малом Городе» или «Стороне», который к северу простирается вверх по холму, к замку, а в южном и западном направлениях взбирается на покрытый парком холм Петржин. Центральной точкой этой части города является мощеная булыжником Маластранская площадь; совсем рядом — великолепная церковь святого Николая (Микулаша), самая красивая, вне всяких сомнений, барочная церковь во всей Праге. С северной стороны площади отходит улица Нерудова, знаменитая множеством декоративных номерных знаков на домах; круто поднимаясь, она приводит нас ко входу в замок.

Градчаны

Название «Градчаны» охватывает целый комплекс улиц, площадей и зданий на вершине холма, центральной точкой которого является величественный, поражающий воображение Град (замок). Замок состоит из трех соединенных друг с другом дворов. В центре Града находится собор Святого Вита, самый высокий шпиль которого, ярко освещенный по ночам, можно видеть почти с любой точки в городе. Град на самом деле представляет собой «город в городе» — скорее даже, над городом, — и здесь мы най-

дем множество маленьких площадей и переулков. Про расположенную здесь Злату Уличку, куда постоянно стремится поток туристов, существует романтическая, хотя и не соответствующая действительности легенда о том, что в этих маленьких домах для прислуги жили алхимики со всей Европы, собранные по воле императора Рудольфа II (1576—1612), человека, возможно, сумасшедшего, но интересовавшегося такого рода деятельностью и поддерживавшего ее; Рудольф II был последним императором Священной Римской империи, проживавшим в Замке. За пределами самого замкового комплекса расположены улицы и площади, ставшие декорациями для фильма Милоша Формана «Амадеус»; в западном конце этого района находятся два самых запоминающихся здания в Праге: монастырь Страгов и часовня Лоретта, примечательная своей барочной вычурностью. Если немного отойти от Замка в северном направлении, то вы окажетесь возле виллы Билека, где жил некогда Франтишек Билек (1872—1941), величайший из современных чешских скульпторов; здесь хранится богатое собрание его работ, вырезанных из дерева и высеченных из камня.

Новый Город

Вернемся теперь на восточный (правый) берег Влтавы, где к востоку, а еще более к югу от Старого Города раскинулся Новый Город, простирающийся до самого Вышеграда. Новый Город был основан еще в 1348 году императором Карлом IV, но зданий, построенных ранее XIX века, здесь сохранилось немного. В северной части Нового Города находится основной торгово-развлекательный район Праги, и почти все, что желает обычно осмотреть ту-

рист, приехавший в Прагу ненадолго, расположено на оживленных улицах, разделяющих Старый и Новый Город (на западе это Народная улица, на востоке — На Пржи́копе), и на обширной Вацлавской площади — она более похожа на широкий бульвар, чем на площадь. На оси, образованной Народной улицей и На Пржи́копе, Вацлавская площадь находится как раз посередине и отходит, перпендикулярно этим улицам, к югу. Таким образом, от площади расходятся три улицы, и в конце каждой из них стоит по одному из наиболее значимых зданий в Праге постбарочной эпохи. На западном конце Народной улицы, возле реки, мы найдем великолепный Национальный театр, являвшийся в XIX веке символом чешского самосознания, — политически Чехия тогда еще не имела независимости; прямо напротив театра мы видим кафе, самое, пожалуй, знаменитое в Праге, служившее некогда местом встречи чешских сюрреалистов, — кафе «Славия», ныне значительно изменившееся. На противоположной стороне «оси» — на восточном конце улицы На Пржи́копе, напротив площади Республики, возвышается великолепный Общественный дом, одно из прекраснейших в Европе зданий в стиле ар нуво, а на южном конце находится огромная эспланада Вацлавской площади, которую венчает еще одна из наиболее значимых достопримечательностей Праги, Национальный музей. Перед музеем стоит символическая для чехов гигантская статуя Вацлава Первого, убитого его братом Болеславом Жестоким в 929 году. Вацлав заложил традиции чешского мученичества, кульминацией которых стал поступок Яна Палаха, студента философского факультета, который в январе 1969 года совершил самоубийство перед статуей Вацлава, в знак протеста против советского вторжения на его родину в 1968 году.

Вышеград

Достаточно далеко от Вацлавской площади, к югу от нее, над рекой высится средневековая крепость Вышеград. Сама по себе она непримечательна, однако ее стоит посетить из-за расположенного там Национального кладбища, где погребены большинство великих чешских художников, писателей и музыкантов (за исключением Кафки, Гашека и Яначека). В пригороде Вышеград расположены также несколько вилл в стиле кубизма, построенных между 1911 и 1914 годами, — в Европе практически не найти других зданий такого рода (см. главу 5).

Другие районы

На окраинах Праги также имеются некоторые достопримечательности, но тем, кто приехал в город впервые, тратить время и отвлекаться на них не стоит. К северу от Градчан, на западном (левом) берегу реки Влтавы простирается знаменитый пражский парк Летна. На этом просторном холме, с которого открывается вид на город, ныне стоит гигантский красный метроном, воздвигнутый на месте снесенной 27-метровой четырнадцатитонной железобетонной статуи Сталина. Несколько лет (1955—1962) жизнь города угнетал властный взгляд «Большого Брата». Там же, на западном берегу реки, но дальше к востоку, расположен пригород Голесовице. Здесь интереснее всего прекрасный образец функционализма в архитектуре, дворец Велетржин (Выставочный), где представлено крупнейшее в Праге (однако весьма разнородное) собрание чешской живописи и скульптуры, созданной после 1800 года. Вернемся теперь на восточный (правый) берег, в пригород

Винограды, расположенный к юго-востоку от Нового Города, где на расстоянии нескольких сотен метров друг от друга стоят три поразительнейших церкви в стиле модерн. Наиболее интересным можно считать «предпостмодернистский» шедевр Йозефа Плечника, церковь Пресвятого Сердца Господня. Еще дальше на восток простираются обширные пражские кладбища; в семейном склепе покоятся останки Франца Кафки, и там же похоронен его невыносимый отец, от которого он не мог по-настоящему отделиться как при жизни, так и после смерти. Районы, некогда считавшиеся «красными», рабочими окраинами: Жижков (на северо-востоке города, на правом берегу) и Смихов (на юге от холма Петржин, на левом берегу). Отметим, Смихов является основным местом обитания многочисленных пражских цыган, и некоторые полагают, что в этот район категорически не следует заходить, поскольку там можно столкнуться с попрошайничеством, уличной преступностью, а иногда и стать жертвой нападения.

Произношение чешских слов: курс для нерешительных

Правила чтения в чешском, как гордо сообщат вам носители языка, весьма просты: беда только в том, что для губ, языка и гортани человека, привыкшего говорить по-английски, многие звуки этого языка могут стать почти непреодолимой преградой, да и на слух англоговорящий с трудом различит лишь немногие сочетания фонем. То, что мы приводим далее, является лишь начальным, упрощенным пособием; тем, кто заинтересуется данным вопросом, советуем обратиться к соответствующим страницам книги Роба Хамфри «Дикий путеводитель по Праге» (*Humphrey Rob. Rough Guide to Prague*), где можно найти более под-

робные рекомендации о том, как пробраться сквозь печально знаменитые «заторы из согласных» (так назвал их Патрик Ли Фермор), которыми, с точки зрения иностранца, загроможден чешский язык.

Согласные

Согласные, не имеющие диакритических значков, произносятся почти так же, как в английском; исключением является *s*, произносимое как *ц*; *ch* читается как *х*. Проблемы начинаются с появлением гачека, напоминающего перевернутый значок циркумфлекс (ˇ); часто этот значок стоит над согласными *s*, *n*, *r*, *s* и *z*, а иногда, в более редких случаях, и над другими согласными. Гачек меняет чтение согласной и вот что получается:

š читается как *ч*

ň читается как *нь*

ř читается как *ш*

ž в середине слова читается как *ж*, на конце слова — *ш*

ř даже сами чехи считают сложнейшим из звуков, поскольку он сочетает в себе *р* и *ж*, как, например, в фамилии Антонина Дворжака (Antonín Dvořák).

Гласные

Произношение гласных, не имеющих диакритических значков, также весьма сходно с произношением соответствующих английских букв в одном из вариантов их чтения, правда, исключение составляет *a*, произносимое как *и* в слове *cir*. *E* всегда читается так же, как *e* в слове *pet*, *i* — как *i* в слове *pit*, *o* — как в слове *pot*, а *u* — как *oo* в слове *book*.

При добавлении гачека: ě читается как *йе*, тогда как значок, похожий на французский восходящий акцент (´)

превращает *a* в *á*, которое произносится как в слове *father*; *é* — как в слове *fair*, *í* или *ý* — как в слове *seat*, *ó* — как в слове *door*, а *ú* (иногда оно пишется *û*) как в слове *fool*.

Как правило, каждая буква в слове читается независимо от остальных, а ударение во всех словах падает на первый слог.

А теперь попробуйте быстро проговорить, одно за другим: *Na příkopě, Staroměstskě náměstí* и *Nejsvětější Srdce Páně*, но постарайтесь упражняться в произношении там, где вас не услышат ваши родные и знакомые.

Введение

Прага, как нам рассказывают, — самый «магический» и «мистический» город в Европе, бывший когда-то столицей астрологии и алхимии, здешнее еврейское гетто — родина загадочного, пугающего голема, а также благодатная почва для всякого рода эзотерических учений, магического знания и колдовства. Считается, что Прага, прозванная Матерью Городов, многие века была родиной или пристанищем многочисленным выдающимся сынам своим, которые так по-разному воплощали в себе магическую сторону многогранного дара своего города. Среди них и меланхолический, одержимый навязчивыми идеями император Рудольф II (1576—1611), живший, подобно Говарду Хьюзу¹, отшельником в возвышающемся над городом огромном замке — Граде; считается, что он призвал к себе лучших европейских алхимиков, ибо был непреклонен в своем стремлении найти философский камень. Или гениальный

---

¹ Американский промышленник, провел последние годы жизни в затворничестве, в одном из принадлежавших ему отелей. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Моцарт (1756—1791), — премьера его оперы «Дон Жуан» состоялась в Праге в 1787 году, а одна из прекраснейших его симфоний, тридцать восьмая, названа в честь этого города. Среди более близких к нашей эпохе пражских жителей можно назвать страдающего, непростого для понимания писателя Франца Кафку (1883—1924), воображение которого навсегда поразил Замок, а также жившего почти в тот же самый период (с разницей в месяц) Ярослава Гашека (1883—1923), большого любителя выпить, создателя бравого солдата Швейка — простоватого, но почему-то всегда побеждающего, чья нерасторопность (кто знает, врожденная или притворная) считается воплощением духа всего чешского народа, ведь чехам за много веков угнетения и покорности иностранным повелителям пришлось ради выживания прикидываться недотепами.

Из этих наиболее известных пражских образов и действующих лиц — а кое-что мы уже сказали и о стиле города — и складывается традиционный портрет Праги, и их же изо всех сил рекламирует масштабная туристическая индустрия Праги; всему этому мы уделим внимание в главах нашей книги, хотя во многих случаях наша точка зрения будет намного более скептической, чем у других авторов. Много, даже слишком много, уже говорилось и писалось о «магической Праге», о городе, который на протяжении многовековой истории будто бы был погружен в одни лишь алхимические эксперименты, каббалистические изыскания и мудрость розенкрейцеров, при этом особо удаются местным мастерам странные существа типа зомби, вскоре восстающие против своих создателей, а первое из них, голем, веками спит где-то во чреве города, готовясь страшно отомстить то ли врагам, то ли самим жителям. Нельзя отрицать того, что Прага обладает «магическими» или «сюрреалистическими» сторонами, и город стал бы беднее — и

не только в смысле доходов, приносимых туристической индустрией, — без таких мистико-фантастических наслоений. Но если этим аспектам уделить больше внимания, чем следует, — а такое можно заметить даже в лучших книгах о Праге, и даже в самой замечательной из них, работе Анджело Мариа Рипеллино «Магическая Прага» (*Ripellino Angelo Maria. Magic Prague. 1973*), на которую мы в значительной степени опирались, — значило бы не просто не заметить того, что многие из выдающихся жителей Праги были глубоко рациональны и человеколюбивы, но и накинуть покров экзотики и колдовства на прожитые городом реальные события, начисто лишённые всякой магии, в том числе не только на давно прошедшие эпохи, но и прежде всего на период с между 1948 и 1989 годами, воспоминания о котором, похоже, странным, поистине магическим образом вычеркнуты, по меньшей мере из памяти горожан и города.

Прага — некогда столица Богемии, расположенной в самом центре Европы, — более четырех с половиной веков с небольшими перерывами пребывала в подчиненном положении столицы подавляемого народа; давление это оказывалось из Вены, сначала при Габсбургах, вплоть до распада Австро-Венгерской империи (1526—1918), затем, после позорного предательства в Мюнхене, — из Берлина (1939—1945) и наконец из Москвы (1948—1989), руководство которой бывало в разной степени прямым и открытым. Итак, в 1526 году богемское дворянство избрало своим королем Фердинанда I Габсбурга и тем самым невольно обрекло свою страну и ее столицу на все большую маргинализацию, переросшую в откровенную подневольность после 1620 года, когда в первом же крупном бою той войны, которую затем назовут Тридцатилетней, чехи, к тому моменту в большинстве своем протестанты, были

разбиты католической армией Габсбургов; это была битва при Белой Горе, на западной окраине Праги, рядом с тем местом, где сейчас располагается международный аэропорт. Сражение длилось немногим более часа и, в сущности, на четыре следующих столетия определило судьбу Праги и земель, столицей которых город формально оставался.

Белая Гора стала, как говорили чешские патриоты, концом Богемии, и начиная с этого момента вплоть до «бархатной революции» 1989 года в истории Праги было лишь двадцать лет подлинной независимости — годы первой Чехословацкой республики (1918—1938). Затем последовали три года хрупкой и ускользающей свободы (1945—1948), после которых четыре десятилетия длилось коммунистическое единовластие, то открытое и жестокое (как в 1950-е), то более коварное, отравляющее и разлагающее (как в 1970-е и 1980-е), преодолеть которое удалось лишь на восемь месяцев бодрящего эксперимента (январь — август 1968-го). Это и была затянувшаяся «пражская весна», ныне вычеркнутая из осознанной памяти города; конец ей положило вторжение советских танков в ночь с 21 на 22 августа того же года. Эти события, а также другие, с ними связанные, были не фоном, а основным действием на авансцене, поскольку во всех них, как мы увидим далее, важнейшую и даже решающую роль играли писатели, художники и интеллигенция. Ни в одном европейском городе, даже в Париже, интеллектуальная и художественная жизнь не была настолько пропитана политикой, как в Праге, и не только во времена коммунистического правления, но и с самых истоков так называемого чешского национального возрождения начала XIX века. Основоположниками этого движения были, как это ни парадоксально, немецкоговорящие деятели, но вскоре чешское самоопре-

деление стало делом в первую очередь чешскоговорящей пражской интеллигенции.

Таким образом, Прага, город Рудольфа II, Моцарта, Кафки и Гашека, является вместе с тем и городом Томаша Гаррига Масарика (1850—1937) — чехи называют его TGM, — юриста, философа, социолога, литературоведа, гуманиста, рационалиста и убежденного демократа, а также основателя и первого президента независимого государства Чехословакия, родившегося, точнее, возродившегося, после почти четырех столетий австрийского господства, в октябре 1918 года. Как это ни печально, этим же городом правили и два отпетых диктатора, из-за действий и убеждений которых — пусть и в корне противоположных — все то, за что боролся Масарик, было поставлено с ног на голову. Первым был Рейнхард Гейдрих (1904—1942), нацистский диктатор, управлявший тем, что осталось от чешских земель после мюнхенского расчленения и отделения Словакии, превращенной в отдельное «независимое» фашистское государство. Вторым был Клемент Готвальд (1896—1953), убежденный сталинист, который в феврале 1948 года подготовил так называемый «элегантный переворот», приведший Чешскую коммунистическую партию к власти более или менее демократическим путем (или, по крайней мере, без прямого вмешательства советских войск). Гейдрих был убит чешскими патриотами в июне 1942 года, за что фашисты отомстили, уничтожив деревню Лидице (примерно в двадцати милях к северо-западу от Праги). А вот Готвальд пробыл у власти достаточно долго и успел председательствовать на печально известных показательных судебных процессах в Праге в начале 1950-х; при этом он участвовал в создании одного из европейских коммунистических государств, до начала 1960-х годов крайне ущемлявшего права своих граждан (в этом Чехословакию превосходил лишь СССР).

Но с другой стороны, Прага — это еще и город, пусть и не родной, Александра Дубчека (1921–1992), символической фигуры, человека, активно участвовавшего в поисках чехами «социализма с человеческим лицом», своего рода «философского камня» политики того времени. В течение нескольких бурных месяцев 1968 года казалось, что цель вот-вот будет достигнута. А потом, в годы ужасающего уныния наступившей после 1968 года «нормализации», Прага стала городом «Хартии-77» и того человека, которому удалось воплотить в жизнь требования этого документа, в большей степени вне Чехословакии, чем в ней самой, — уроженца Праги, драматурга и диссидента Вацлава Гавела (род. 1936). Именно он стал президентом в очередной раз возродившейся чешской нации благодаря «бархатной революции» ноября—декабря 1989 года, — сначала Гавел получил народное признание, а затем был официально избран. «Гавел на Град!» («Гавела в замок!»): впервые с 1948 года в замке, важнейшей оси любого панорамного вида Праги, оказался президент, поистине воплощающий народную волю.

Политический театр

То, что первым президентом освобожденной нации стал человек театра — начинавший рабочим сцены, ставший театральным критиком, а затем и драматургом, — чехам, в отличие от посторонних наблюдателей, вовсе не показалось неуместным; многие восприняли это как кульминацию и воплощение национальной традиции. С середины XIX века для чешских патриотов важнейшим устремлением стало создание истинно народного театра — такого, где представления будут идти исключительно на чешском, а не на немецком языке. В конце концов, пусть и со значительным опозданием — первое здание театра было унич-

тожено пожаром, — цель была достигнута, и внушительный Народный театр, который мы видим в Праге сегодня, был торжественно открыт в 1883 году великолепной постановкой патриотической оперы «Либуше» Бедржиха Сметаны. И совершенно уместным было то, что именно в театре — правда, случилось это не в Народном театре, а в оформленном в стиле ар нуво концертном зале Общественного дома на нынешней площади Республики — было в октябре 1918 года объявлено о независимости чешского государства. И не менее соответствовало традиции то, что театры, особенно хорошо известный туристам «Латерна магика», стали импровизированными штабами движения, свергнувшего наконец коммунистический режим в ноябре 1989 года. В 1920-е и 1930-е годы в авангарде пражского социального, культурного и политического самосознания стоял «Освобожденный театр» знаменитых V + W (Иржи Восковца и Яна Вериха), а в начале 1960-х годов экспериментальные театры, такие как «Семафор» и «Театр на балюстраде» — часто показывавшие импровизированные представления в набитых до отказа подвальных помещениях, — сыграли решающую роль, расчистив дорогу для недолгого пробуждения ото сна, для Праги 1968-го.

Пережившая столетия иностранного господства, Чехословакия (а со времени «бархатного развода» 1992 года — независимые государства Чешская республика и Словакия) отличается от других европейских государств тем, что ее национальную самобытность приходилось непрерывно переформулировать и выковывать заново, почти так, как это происходило в бывших колониях европейских держав, ныне получивших номинальную независимость. Задача национального самоопределения и национального созидания нелегким грузом легла на плечи чешской интеллигенции, которая, возможно, и сама взяла на себя эту миссию дея-

тельнее и с большей готовностью, чем интеллигенция остальных европейских стран, за исключением, возможно, лишь Испании. Среди этих интеллектуалов особенно выдающимися хранителями и выразителями национального сознания стали драматурги, театральные актеры и режиссеры, — избрали ли они эту роль сами или приняли ее от окружающих. И снова отметим, что чешскую литературу и культуру нельзя считать явлениями «фоновыми» прежде всего потому, что на протяжении почти двухсот лет творческие люди, особенно в Праге — кто по собственному выбору, кто под давлением политических обстоятельств, — оказывались на переднем крае общественной жизни.

Архитектура и власть

Все упоминавшиеся нами до сих пор политические конфликты нашли отражение в облике города. Прага славится прежде всего великолепием многочисленных архитектурных произведений в стиле барокко, но мало кто из туристов догадывается о том, что с точки зрения чешской истории барокко можно считать воплощением политической и религиозной подневольности, вызвавшейся в мраморе, лепнине и позолоте австро-католической гегемонии, начало которой было положено в 1526 году, — в 1620 году власть иностранцев была подтверждена в вооруженном столкновении, а в течение последующих ста лет насаждалась в культуре и идеологии в ходе продуманной кампании повторного обращения в католичество, проводимой иезуитами. Если во времена Белой Горы не католиков среди чехов было вдвое больше, чем католиков, то к началу 1700-х годов большинство обитателей чешских земель были возвращены, пусть зачастую и против воли, в лоно римской католической церкви. А барокко, щеголявшее своей бю-

щей через край мощью, было и орудием, и символом этого возвращения. И неудивительно, что для многих чешских патриотов XIX и начала XX веков воплощением давно утраченных величия и свободы нации стал более ранний стиль — готика, появившаяся в стране при императоре Карле IV (1346—1378), короле Богемии во времена расцвета ее могущества, по воле которого созданы знаменитейший мост Праги, старейший ее университет и, что самое главное, величественный собор, который даже и недостроенным возвышался надо всем вокруг. В действительности, конечно же, готика была стилем не менее «иноземным», точнее, общеевропейским, чем барокко, но чешским патриотам казалось крайне необходимым, чтобы Прага проявила некоторое архитектурное неповиновение и обрела собственное лицо, а потому важнее всего для них было скорейшее окончание строительства собора, недостроенность которого слишком наглядно воплощала в себе незавершенность становления нации. В связи с этим в 1859 году было официально учреждено Общество по завершению строительства собора Святого Вита. И хотя все чешское искусство в силу непростой истории страны вынуждено было нести в себе политический смысл, но влияние истории и политики в области архитектуры бросается в глаза более всего. Забегая вперед, отметим, что Прага — сокровищница не только барочной архитектуры, которую так любят изображать в туристических брошюрах. Здесь находятся некоторые из прекраснейших в Европе, пусть и не всегда идеально сохранившихся, архитектурных творений в стиле ар нуво, кубизма и модерна; причем и в этом случае творческая мысль вдохновлялась прежде всего стремлением сознательно противостоять стилю барокко. В основе драматизма и своеобразия внешнего облика Праги лежит баланс постоянной напряженности дополняющих друг друга резких пря-

мых (готика и модерн) и плавных изогнутых линий (барокко), прихотливая гармония строгости, жесткости и избыточной роскоши. Это сочетание можно прочесть как застывшее на лице города архитектурное выражение противоборства различных, но объединенных в истории страны сил — противостояние католиков и протестантов, австрийцев и богемцев, «немцев» и «славян», Центральной Европы и лежащей за ее пределами Большой Европы. Не даром же так называемый «народный» стиль в архитектуре 1920-х годов, стремившийся в высшей степени сплавить в себе все эти компоненты, именовался также «рондокубизмом» и сочетал в себе прямые и изогнутые линии, символизируя национальную гармонию и целостность.

Вывески и статуи

Прага является поистине одним из наиболее «читаемых» городов, даже для тех туристов, кому, как и автору этой книги, чешский язык кажется практически полностью недоступным набором звуков, из которых мгновенное понимание вызывает лишь волшебное слово «Пилзнер», — по прихоти судьбы культовое местное пиво, настолько же значимое для чехов, как «Гиннес» для ирландцев, до сих пор носит свое первоначальное немецкое наименование.

Гуляя в старых районах города, занятно «коллекционировать» старинные вывески на магазинах и жилых домах, придающие зданиям удивительное своеобразие и превращающие их в «слова», составляющие «предложения», — улицы. Так, на кишашей туристами улице Нерудовой, ведущей от Малаштранской площади к Граду, можно заметить на доме № 6 — так называемый дом «У Красного Орла» — изображение соответствующей птицы на вершине горы; на № 12, дом «У Трех Скрипок», где некогда

Содержание

Барбара Дей. Предисловие	5
От автора	11
Взгляд на Прагу с высоты птичьего полета: заметки для тех, кто приехал сюда впервые	13
Введение	22
<i>Глава первая.</i> Как читать Прагу	36
<i>Глава вторая.</i> Гетто, голем и немцы	104
<i>Глава третья.</i> Йозеф К. и Йозеф Швейк: тяготы и триумфы	143
<i>Глава четвертая.</i> Театр, музыка и нация	173
<i>Глава пятая.</i> Прага в эпоху модерна, 1900–1948	229
<i>Глава шестая.</i> В заточении: Прага при коммунистах, 1948–1989	271
<i>Глава седьмая.</i> Мученики и марионетки	323
<i>Глава восьмая.</i> От бархата до «велькро»: 1989 год и последующая эпоха	340
Дополнительная литература	375